

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ОСВЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ЭТНОГРАФОВ

В 1967 г. в США вышла книга Стефана и Этел Данн «Крестьянство Центральной России»¹. Это значительный труд, затрагивающий многие вопросы социологии, экономики и этнографии русского колхозного крестьянства. Ст. и Э. Данны известны советским этнографам как авторы многих статей, обзоров, рецензий, а также переводов советских исследований в области этнографии народов СССР. Ст. Данн — редактор журнала «Советская археология и этнография» и «Советская социология», выходящих в США.

Рецензируемая книга любопытна тем, что она является попыткой на основании советских этнографических исследований дать самостоятельное обобщение процессов, происходивших в жизни крестьянства центральной полосы России за последние 50—60 лет. К сожалению, настоящая работа, как и предыдущие работы тех же авторов, не свободна от многих тенденциозных, субъективистских, а зачастую и глубоко ошибочных рассуждений и выводов, создающих в конечном итоге неверное представление о советской действительности. Это в свое время было отмечено советскими этнографами и в отношении одной из последних работ Ст. и Э. Даннов, посвященной народам Средней Азии и Казахстана².

Сама концепция книги не нова. Она уже была сформулирована Даннами и в вышеупомянутой статье и в рецензиях на исследования советских этнографов. Заключается эта концепция в утверждении, что в жизни сельского населения народов СССР за годы Советской власти произошли не коренные преобразования, а лишь поверхностные культурные изменения³.

В книге «Крестьянство Центральной России» Ст. и Э. Данны прежде всего пытаются определить, что представляет собой русское крестьянство на современном этапе. При этом отправным моментом для авторов является теория Г. М. Фостера с его моделью чистого крестьянства как общности, в значительной мере изолированной от воздействия других социальных слоев и основанной на непосредственном личном общении ее членов. Авторы стремятся показать, насколько и в чем современное русское крестьянство соответствует этой модели или же, наоборот, как далеко отходит от нее. И хотя в конечном итоге авторы приходят к выводу, что современное русское крестьянство не укладывается в модель, доктрина эта господствует над книгой.

Авторы затрагивают важные стороны социально-экономической и культурной жизни русского народа.

Книга состоит из введения и шести глав: 1 — География и история; 2 — Колхоз, деревня и семья как социальные единицы; 3 — Образование и социальная мобильность; 4 — Народные институты; 5 — Материальная культура и ее социальные корни; 6 — Заключение и выводы. Книге предпослано предисловие А. Вукиничича с развернутой положительной оценкой работы.

¹ S. P. Dunn and E. Dunn, *The peasants of Central Russia*, New York, Chicago, San Francisco, Toronto, London, 1967.

² S. P. Dunn and E. Dunn, *Soviet regime and native culture in Central Asia and Kazakhstan: the major peoples*, «Current Anthropology», 1967, June, vol. 8, № 3; там же помещены комментарии к этой статье советских ученых.

³ S. P. Dunn, E. Dunn, *Directed culture change in the Soviet Union: some Soviet studies*, «American Anthropologist», 1962, vol. 64, № 2; и х же, *The Great Russian peasant: culture change or cultural development*, «Ethnology», 1963, vol. 11, № 3.

Как свидетельствуют уже сами названия глав, книга разработана в социологическом аспекте. Авторы строят свои теоретические обобщения на материалах о крестьянстве «Центральной России». Понятием «Центральная Россия» Ст. и Э. Данны пользуются в историческом и этнографическом смысле, а не в географическом: это ареал великорусов⁴. Отметим, что они игнорируют при этом деление великорусов на две большие этнографические группы (северных и южных великорусов), значительно отличающиеся по особенностям материальной и духовной культуры, следствием чего явился ряд неточностей и ошибок при рассмотрении ими этнографического материала. Что же касается географического (и особенно экономико-географического) принципа выделения территории, то игнорирование его в подобной работе вряд ли правомерно, поскольку авторы акцентируют свое внимание в основном на проблемах социально-экономических. Но к этим вопросам мы еще будем возвращаться.

Хронологически авторы ограничивают себя 1920-ми годами (как исходным моментом) и 1950-ми годами, на которых и сосредоточено их основное внимание. В ряде случаев они пользуются материалами, относящимися к 1960 годам, а для характеристики отдельных явлений культуры обращаются также к материалам дореволюционного прошлого.

Основой фактических материалов для книги Ст. и Э. Даннов послужили три монографии: М. Я. Феноменов «Современная деревня» (М.—Л., 1925); «Село Вирятино в прошлом и настоящем» (М., 1958); Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева «Культура и быт колхозников Калининской области» (М., 1964). В некоторых случаях, особенно в заключительных главах, они пользуются материалами статей научных журналов, а также прессы (газета «Известия»). Следует отметить, что статистические сборники, вошедшие в библиографический список, приложенный к книге, по существу почти не использованы.

Таким образом, фактическая база рецензируемой книги довольно ограничена и вряд ли может служить основой для столь широких и далеко идущих обобщений, на которые авторы претендуют. Приходится сожалеть, что обширный труд «Народы Европейской части СССР», т. I (серии «Народы мира», М., 1964), содержащий всестороннюю и обобщающую характеристику культуры и быта русского народа в дореволюционное и советское время, который мог бы в значительной мере восполнить пробелы в доступных Ст. и Э. Даннам источниках, используется ими весьма слабо. И это не случайно.

Исследования советских авторов, придерживающихся метода исторического материализма, Данны рассматривают как проявление известного «доктринерства», ошибок которого они якобы стараются избежать. Отсюда и использование ими советских работ лишь с точки зрения содержащегося в них фактического материала. В этом отношении характерно высказывание А. Вукинича (в предисловии к книге), который ставит в особую заслугу Даннам именно то, что они якобы включили эмпирические материалы советских этнографов в современную концепцию «культурных изменений» (стр. XI—XII). Между тем, преднамеренно отбросив освещение материалов советскими учеными, дающими всегда целостную картину взаимосвязанных явлений и процессов, и произвольно выхватывая из этой картины отдельные, часто хронологические, территориально и социально разнородные факты, авторы лишаются критерия, позволяющего судить о типичности тех или иных явлений, об их удельном весе, о том, какие из них угасают или развиваются, и, таким образом, теряют возможность объективно судить о сущности происходящих в современности процессов. К тому же отбор исследуемых явлений и фактов большей частью тенденциозен. Характерно, что внимание Даннов всегда привлекают пережиточные, архаические, отрицательные моменты, за которыми они не видят того нового, развивающегося или имеющего тенденцию к развитию, что в конечном итоге и приводит к коренным социальным и культурно-бытовым изменениям. Авторы рассматривают явления статично, не улавливая динамики их развития. В результате получается не только искаженная картина действительности, но и ставится под удар сама выдвинутая ими концепция. Более уважительное отношение Ст. и Э. Даннов к работам советских ученых избавило бы их книгу от многих фактических неточностей, ошибок, а в ряде случаев — неверных истолкований по таким сложным вопросам, как община, семья и брак, обрядность, материальная культура и др.

Как уже указывалось, Ст. и Э. Данны затрагивают весьма серьезные социологические проблемы. Они начинают свое исследование с попытки социально-экономической характеристики крестьянства Центральной России в дсколхозный период. Высказанные авторами в этом разделе положения являются, на наш взгляд, ключом к раскрытию их концепции в целом. Следует при этом сказать, что «дсколхозный период» рассматривается Даннами весьма «широко»: в единый поток включены изменения, вызванные и крестьянской реформой 1861 г., и столыпинской реформой, и советским законодательством о земле, которое, как мы знаем, положило начало новой эре в истории русского крестьянства. Ограничиваясь весьма беглой характеристикой изменений, происшедших в жизни крестьян в дореволюционное время, авторы основное

⁴ Это территория от Новгородской области на севере до границы с Украиной — на юге, от Смоленской области — на западе до Волги — на востоке (стр. 1).

внимание уделяют 1920-м годам, охватывая при этом целый комплекс вопросов, связанных с хозяйством и социально-экономической структурой доколхозной деревни, ее традициями и обычаями. В основу этой характеристики положена книга М. Я. Феноменова «Современная деревня», посвященная описанию деревни Гадыши Новгородской губернии. Как подчеркивает сам М. Я. Феноменов, эта лесная деревня Северо-Западного края резко отличается по условиям хозяйства и быта от центральной русской. Ст. и Э. Данны, однако, следуя во всех подробностях описанию Феноменова и опираясь почти исключительно на это исследование, стремятся распространить сделанные Феноменовым наблюдения и выводы на все крестьянство Центральной России. Чтобы показать «типичность» тех или иных явлений, они в ряде случаев обращаются и к другим источникам: «Село Вирятино в прошлом и настоящем» (Тамбовская обл.) и «Культура и быт колхозников Калининской области». При этом, однако, отдельные явления, обусловленные местными особенностями и отнюдь не типичные для той или другой области в целом, приобретают в их изложении несоразмерно большое значение, не позволяющее правильно видеть действительную картину развития. Например, характеризуя крайнюю рутинность и отсталость системы ведения хозяйства в Гадышах и, в частности, указывая на наличие подсечно-огневого земледелия, они в качестве аналогии приводят данные по Тверской губернии, в северных лесных районах которой частично сохранялось так называемое лядинное хозяйство вплоть до 1920-х годов. При этом Данны упускают из виду, что в той же Тверской губернии, как и в других губерниях нечерноземного центра Европейской части России, еще в конце 1880-х годов появилось травосеяние, означавшее уже развитие специализированного товарного хозяйства. Еще в большей степени это относится к южным районам Тверской губернии, где развитие льноводства приобрело ярко выраженный капиталистический характер⁵.

Типизируя, таким образом, отсталые формы хозяйства и распространяя их на всю Центральную Россию, Ст. и Э. Данны дают сугубо примитивизированную характеристику крестьянского хозяйства в предреволюционные годы, в действительности гораздо глубже и разносторонне затронутого капиталистическим развитием страны. Это тем более досадно, что доступные Даннам источники, вышеназванные монографии и, особенно, обобщающий труд «Русские» (в серии «Народы мира») при желании дали бы им возможность получить более правильное и детальное представление о разнообразии типов хозяйства, распространенных на исследуемой территории в интересующий их исторический период.

Недоучет всего разнообразия форм капиталистического развития в сельском хозяйстве России конца XIX — начала XX в. привел авторов к неверным суждениям о путях социальной мобильности дореволюционной русской деревни. Ст. и Э. Данны, следуя за ошибочной концепцией М. Я. Феноменова, полагают, что дореволюционная деревня не имела «стабильной классовой структуры и фиксированных путей классовой мобильности» (стр. 22), что не было твердых границ между бедными и богатыми, между хорошо обеспеченными землей и малоземельными. Основным фактором социально-экономического расслоения, авторы, как и М. Я. Феноменов, считают соотношение между процветанием хозяйства и количеством рабочих рук. Данны отбрасывают возможность социальной мобильности для дореволюционного крестьянства на базе самого сельского хозяйства (земледелия, животноводства), считая, что она возможна лишь на почве торговли и промышленности. При рассмотрении этого вопроса Данны совершенно обошли имеющуюся обширную историческую и экономическую литературу. А между тем, как это установлено авторитетными исследованиями, и в первую очередь капитальным трудом В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», собственность на землю в условиях развивавшегося капитализма являлась одним из наиболее существенных источников классового расслоения деревни. Принцип уравнительного землепользования в сельской общине отнюдь не препятствовал фактически неравномерному распределению земли между общинниками. Прежде всего это нашло свое выражение в огромном росте в конце XIX в. различных видов аренды, о которой Ст. и Э. Данны, кстати сказать, даже и не упоминают.

Отсюда вытекает и неправомерная архаизация Даннами сельской общины конца XIX — начала XX вв., ее экономических основ, порядков и традиций. Свое представление об общине они основывают на явлениях и фактах, которые для второй половины XIX в., не говоря уже о первом десятилетии после Великой Октябрьской социалистической революции, были редкостью или под влиянием новых социально-экономических условий находились в процессе разложения. Об этом свидетельствует вся обширная этнографическая литература как дореволюционного, так и советского времени. Ст. и Э. Данны, однако, специальным отбором пережиточных моментов волюно или неволюно уводят общину в далекое прошлое. Недаром они при характеристике брачных отношений в деревне оперируют понятиями «экзогамия» или «эндогамия», ошибочно утверждая при этом, что круг возможных браков определяется общиной. Также и при описании ими общинных порядков и традиций (сходы, помочи, посиделки, «улица», праздники, обряды, гадания и др.) приводимые ими факты даются в таком ракурсе, который позволяет авторам создать впечатление о единстве общины в ее от-

⁵ См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964, стр. 16—19.

ношении к духовным ценностям, об архаичности и чрезвычайной устойчивости древних общинных институтов в России. Между тем детально собранный этнографический материал свидетельствует, что сельский коллектив уже давно не был столь единым ни экономически, ни в своих общественных традициях, ни даже в обрядовой жизни. Один из примеров тому — помочи, бывшие когда-то ярким выражением общинного коллективного начала и ставшие под влиянием развивавшегося капитализма замаскированной формой эксплуатации кулаками своих односельчан. Можно было бы привести и много примеров из обрядовой жизни, сильно менявшейся уже с 1880-х годов под воздействием классового расслоения, городских влияний, общего развития культуры. Процесс разрушения и отмирания традиционных обрядов и обычаев выражался в сокращении и упрощении семейной и особенно календарной обрядности, в переосмыслении многих ее архаических элементов, приобретающих зачастую характер развлеченности и т. п.

Мы уделили большое внимание разбору концепции Даннов в ее части, касающейся прошлого, поскольку она во многом определяет и их интерпретацию современности. Какой бы вопрос ни затрагивали авторы, они всегда рассматривают его сквозь призму старых порядков, придавая непомерно большое значение традиции и пережиточным явлениям.

С этой точки зрения характерна их трактовка вопросов семьи. Ст. и Э. Данны, уделив большое внимание семье как социальной единице, подходят к этой проблеме несколько однобоко — лишь с точки зрения экономических и правовых отношений. Правильно подметив коллективистские начала в быту современной крестьянской семьи, они истоки этого коллективизма ищут в общинных порядках, что приводит к неверному истолкованию явлений, большей частью не имеющих ничего общего со старым бытовым укладом. В значительной мере это происходит потому, что они совершенно опускают весь круг вопросов, связанных с областью внутрисемейных отношений, в которых, быть может, с наибольшей наглядностью проявляется то новое, что определяется советской действительностью.

Таков, например, вопрос о главенстве в семье. Конечно, нельзя отрицать, что многое здесь идет от старых традиций, но, ведь главное в том, что изменилось само понятие «глава семьи», что сейчас понятие о главенстве в семье все более стирается, и это становится определяющим моментом современных семейных взаимоотношений. Данны же сводят всю суть вопроса к рассмотрению сходства или различия в понятиях «глава семьи» и «глава колхозного двора». Первое они связывают с продолжением старых семейных традиций, а второе, хотя и считают новым явлением, но видят в нем дальнейшее закрепление старых порядков, основанных на коллективном ведении хозяйства. Через признание государством колхозного двора как самостоятельной хозяйственной единицы само государство, по их утверждению, поддерживает эту идущую от старой систему. Следует отметить при этом, что авторы неправомочно отождествляют личное хозяйство современной колхозной семьи с хозяйством дореволюционного крестьянина. Если в прошлом хозяйство крестьянина являлось почти единственным источником его существования, то в условиях колхозной действительности приусадебный участок и все личное хозяйство колхозников играют исключительно подсобную роль. Об этом наглядно свидетельствуют приводимые этнографами семейные бюджеты колхозников (с. Вирятино), которые, кстати сказать, Данны подробно анализируют, но в ином аспекте.

В своей переоценке значения личного подсобного хозяйства в экономике колхозной семьи авторы заходят очень далеко, что приводит их, как указывалось, и к неправомочному отождествлению функций главы семьи в дореволюционное и советское время.

Вместе с тем Данны недоучитывают процесса развития и совершенствования самой колхозной системы, в ходе которого отношения (имущественные и прочие) между членами семьи, работающими в колхозе, и самим колхозом делаются все более непосредственными, но требующими какого-либо вмешательства со стороны главы колхозного двора или главы семьи. Так, с начала 1960-х годов, что было отмечено, в частности, в монографии о калининских колхозниках, стала уже нормой выплата колхозом заработка лично каждому работнику, в то время как в начале 1950-х годов (с. Вирятино) такой порядок еще только зарождался. Эта система оплаты труда колхозников, а также отказ от семейной сдельщины в колхозной работе, наделение колхозного двора приусадебным участком из расчета числа работающих членов семьи, установленный минимум трудовых, предоставление пенсий нетрудоспособным колхозникам — все это способствует окончательному изживанию пережитков патриархальщины в современной крестьянской семье. Однако Ст. и Э. Данны при своих обобщениях пользуются исключительно примерами таких семей, в быту которых патриархальные традиции сказываются наиболее сильно. При этом они не считают ни с временными, ни с территориальными различиями. Так, если приводимые ими факты были более или менее характерны для Тамбовской обл. (с. Вирятино), то для Калининской обл., откуда они черпают аналогичные примеры, чтобы показать широту и типичность явлений, такие семьи не только не характерны, но являются редкостью⁶.

⁶ См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 195.

Отождествление современной колхозной семьи с дореволюционной крестьянской привело авторов к искусственному раздвинутию вопроса об отдельном женском имуществе. Эта черта, столь характерная для больше семейного уклада дореволюционной деревни, при новых правовых имущественных отношениях в советское время перестала играть сколько-нибудь существенную роль в быту колхозной семьи. Тем более нелепо приравнивать к женским доходам, наряду с доходами от сбора грибов и ягод, пенсию, которую вдова получает на воспитание детей (стр. 50). Это явление новое и никак не соотносится со старой традицией.

Преувеличивая роль приусадебного участка в экономике колхозной семьи, Данны переоценивают и значение фактов фиктивных разделов, которые, как отмечали советские исследователи, действительно имели место в первые годы советской власти и в начальный период коллективизации. Перенося это явление без каких-либо оснований на современную колхозную семью, авторы превратили истолковывают и самый процесс естественного деления семьи и наличие тесных родственных связей между разделившимися семьями. Все примеры, которыми они оперируют как фиктивными разделами, на самом деле имеют совсем иную природу — это фактически разделенные семьи, продолжающие, однако, сохранять естественные родственные связи. Удивляющее Даннов отделение от родителей их последнего сына или дочери (или наоборот, матери или отца от женатых детей) имеет гораздо более глубокие причины, чем предполагают американские авторы. И эти причины кроются не столько в экономике, сколько в сфере духовных отношений, различии привычек и вкусов, желании сохранить свою самостоятельность. Все эти тонкости семейного быта были бы точнее поняты авторами книги, если бы они обратились к анализу внутрисемейных отношений.

Много путаницы и неточных формулировок допущено Ст. и Э. Даннами в определении колхоза и деревни, а также соотношения между ними.

Известно, что колхоз — это добровольное объединение трудящихся для совместного ведения крупного общественного высокомеханизированного сельскохозяйственного производства и никаких политических функций, как то утверждают Данны (см. стр. 39), он не имеет. Органом же государственной власти в селе является сельский совет депутатов трудящихся.

Противопоставляя колхоз деревне, понимаемой в сугубо традиционном смысле, Данны совершенно не учитывают той новой общественной организации, которую получила русская деревня за годы Советской власти. Общественная жизнь современной деревни весьма многогранна и по своему богатству и разнообразию не идет ни в какое сравнение с общественной жизнью старого крестьянского «мира». В процессе развития новых форм общественной жизни в современном сельском коллективе сложились и продолжают складываться новые эмоциональные связи, новые общественные традиции. И те рудименты старого быта, в которых Данны видят эмоциональные устои советской деревни, не играют в ней значительной роли и тем более никак не определяют ее общественного лица. Общественная активность сельского населения направляется по разным каналам в зависимости от тех сторон жизни, которых она касается, и в одних случаях (например, в хозяйственной деятельности) главную организующую функцию несет колхоз, в других (например, в вопросах культурно-просветительной работы или благоустройства села) — сельсовет. Но разделение этих функций отнюдь не дает оснований противопоставлять колхоз и деревню, как то делают Данны, ибо связь между ними глубоко органична.

Недоумение вызывает интерпретация авторами колхозной бригады как социальной единицы, стоящей над семьей (стр. 44). Во всех случаях (и там, где бригада и деревня совпадают) бригада всегда является производственной ячейкой колхоза и никак не может рассматриваться в одном плане с семьей. Материалы монографии о калининских колхозниках, на которых, видимо, они основываются, не дают право на такое утверждение⁷.

Сама характеристика производственной жизни колхоза (организация труда, продолжительность рабочего дня и пр.) дана в сгущенных отрицательных красках. Данны прибегают при этом к своему обычному методу использования источников — замалчиванию одних фактов и чрезмерному выпячиванию других, что при кажущейся документальности сообщаемого материала создает в целом искаженную картину действительности. Так, ссылаясь на монографию о Калининской области, авторы (стр. 44) утверждают, что длительность рабочего дня колхозников — 10 часов, забывая упомянуть, что это бывает лишь в наиболее напряженные сезоны года⁸, или сообщают, что труд животноводов длится с пяти утра до девяти вечера, не указывая при этом на наличие длительных перерывов в работе⁹.

Тенденциозное использование источников особенно ярко проявилось в трактовке Даннами вопроса о роли подсобного хозяйства в экономике колхозной семьи. Авторы возводят этот вопрос в дилемму, якобы стоящую перед колхозниками: «Посвятить ли все усилия колхозному хозяйству и попытаться жить на это, или делать минимум работы в общественном хозяйстве — необходимый минимум для поддержания общественного статуса, а основное внимание уделить частному хозяйству» (стр. 58). Более

⁷ См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 57, 58.

⁸ Там же, стр. 59.

⁹ Там же, стр. 60.

того, Данны говорят о якобы существующей конкуренции между общественным и личным хозяйством колхозников (стр. 58), видимо, перенося понятие, присущее капиталистическому обществу, на социалистическое. При этом авторы дают превратную картину подсобного хозяйства, характера его использования, чрезмерно преувеличивают получаемый от него доход. В советской этнографической и экономической литературе подробно освещаются вопросы соотношения общественного и личного хозяйства, и делается это на основе анализа массового материала, собранного в различных районах страны¹⁰. Из него явствует, что личное хозяйство колхозников носит сугубо подсобный потребительский характер; приусадебный участок используется под посадку картофеля и овощей (а отнюдь не зерновых культур, как это можно заключить из характеристики Даннов), которые идут в основном на питание семьи. Продаются лишь незначительные их излишки. Развитие денежной части в бюджете колхозной семьи идет в первую очередь не за счет ее личного хозяйства, а за счет поступлений от общественного хозяйства (денежных и натуральных). Об этом свидетельствует как раз и тот пример, который приводят в своей книге Данны, придавая ему, однако, прямо противоположное истолкование. Так, если авторы монографии о Вирятине указывают, что повышение уровня благосостояния колхозной семьи связано с устойчивым, полноценным в течение ряда лет трудоднем, то Данны, прибегая к недобросовестному использованию источника, приписывают это процветание вирятинских семей успехам частного хозяйства¹¹.

Ст. и Э. Данны пытаются дать характеристику состояния культуры и культурно-бытового обслуживания в русской колхозной деревне. Они касаются вопросов электрификации, радификации, водоснабжения, транспорта, снабжения населения предметами народного потребления и т. п. Но поскольку авторы пользуются для своей характеристики произвольно выбранными частными примерами, взятыми, как правило, из газетных статей, нацеленных на борьбу с отдельными недостатками¹², то картина получается весьма дробная, в основном отрицательная, не дающая никакого представления о действительном уровне развития этих сторон быта колхозного села и в целом о тех коренных культурных преобразованиях, которые произошли за последние 50 лет. Авторы проходят мимо всего опыта социалистического строительства. В погоне за отдельными отрицательными фактами, которые, конечно, имеют место в повседневной действительности, они не замечают развития новых явлений, в корне изменяющих старую русскую деревню.

Внедрение механизации в сельское хозяйство, совершенствование хозяйственного планирования и учета, рост культурного строительства привели и приводят к существенным социальным изменениям на селе, в частности, к изменениям в профессиональном составе сельского населения. Современное село все более поглощает кадры интеллигенции и квалифицированных специалистов колхозного производства¹³. Это явление заслуживает особого внимания, поскольку оно означает расширение путей социальной мобильности внутри самого села.

Ст. и Э. Данны придают большое значение проблеме социальной мобильности¹⁴; однако, подходя к современному русскому селу со старыми мерками, они считают, что социальная мобильность возможна главным образом вне села (стр. 81), чему и посвящено все дальнейшее рассмотрение этой проблемы. Отсюда их чрезмерное преувели-

¹⁰ «Народы Европейской части СССР», т. I («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 201; «Село Вирятино в прошлом и настоящем», стр. 177; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 76—77.

¹¹ Ср.: «Благодаря устойчивому и полноценному в течение ряда лет трудодню (разрядка наша), вирятинские семьи не только полностью обеспечены продуктами питания, но имеют и значительные хлебные излишки, реализация которых позволяет семьям из года в год повышать материальный уровень жизни» (Село Вирятино, стр. 177) и «Подытоживая данные по частному хозяйству (разрядка наша), авторы исследования о селе Вирятине, утверждают, что колхозные семьи не только полностью обеспечены питанием, но имеют и значительные хлебные излишки, реализация которых позволяет семьям из года в год повышать материальный уровень жизни» (S. P. and E. Dunn, The peasants of Central Russia, p. 59). Таким образом, утверждение советских авторов о первенствующем значении трудодня в экономике колхозной семьи подменено Даннами прямо противоположным положением о ведущей роли личного хозяйства в благосостоянии семьи.

¹² Так, состояние водоснабжения в Центральной России характеризуется только примером Липецкой области, в некоторых деревнях которой падает уровень воды (стр. 62). Из раздела о транспорте (стр. 62) можно понять, что во всех деревнях Центральной России дороги непригодны для проезда. Абсолютизированы также и сведения отрицательного характера о банях (стр. 61), о телефонизации (стр. 62), а в разделе о радиофикации мимоходом высказано совершенно необоснованное замечание, что колхозники газет не читают из-за занятости и недостаточного образования (стр. 60—61). Подобные приемы «исследования» вряд ли могут помочь выяснению истинного положения вещей.

¹³ См., например, Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 67—70.

¹⁴ S. P. Dunn and E. Dunn, The peasants of Central Russia, ch. 3 — «Education and Social Mobility».

чение роли отходничества, которое они рассматривают как явление, традиционное для крестьянства центральной России не только в прошлом, но и в настоящем. Эту концепцию они основывают на отдельных фактах, встречавшихся в некоторых местах РСФСР в силу сложившейся там в определенный момент ситуации, и возводят их в явление типическое. При этом они совершенно отбрасывают интерпретацию этих явлений советскими этнографами¹⁵.

Затрагивая такой сложный вопрос как отток населения из колхозов, Данны правильно отмечают многие стороны этого явления, но как и во всем, рассматривая деревню статично, они не замечают развития новых факторов, воздействующих на жизнь сельского населения и, в частности, на расширение путей его социальной мобильности, о чем мы уже говорили. И хотя авторы как будто бы и признают, что советская власть открыла большие возможности для социальных изменений, они в то же время считают, что «деревня подтверждена этим великим социальным изменениям меньше, чем должно было бы быть в идеале, в условиях советского строя» (стр. 93). Самый же подбор материала, весь пафос книги направлен на то, чтобы показать, что современная деревня не подверглась коренным социальным изменениям — положение, как мы уже говорили, неоднократно высказываемое Даннами и в их предшествующих работах.

Утверждение о весьма слабом изменении жизненного уклада русской деревни Ст. и Э. Данны пытаются проиллюстрировать примерами из области материальной и духовной культуры. К сожалению, эти по существу наиболее этнографические главы написаны слабо, фрагментарно, без знания предмета. Недопустимым является игнорирование авторами региональных различий в материальной и духовной культуре, без учета которых невозможно правильно осветить и проблему культурных изменений, поставленную Даннами в качестве основной (стр. 113). Сделанная, например, авторами попытка поставить в единый эволюционный ряд различные типы жилища без точного знания их характерных признаков¹⁶, без учета социально-экономических особенностей отдельных регионов и их традиций не может быть рассмотрена как серьезный аргумент в пользу какой бы то ни было научной концепции и менее всего дает право судить о характере и направлении происходящих изменений в культуре и быту сельского населения.

В этнографических разделах, как, впрочем, и в других, авторы стремятся показать застойность русского крестьянского быта, господство в нем примитивных форм. Так, подчеркивая устойчивость планировки сельских поселений, Данны считают, что сколько-нибудь заметные в них изменения произошли лишь в результате войны, в непосредственно охваченных ею районах, или же в связи с созданием новых водохранилищ, когда на новые места переносились целые селения (стр. 45, 46). Между тем, как это неоднократно отмечалось советскими этнографами, именно в этой области материальной культуры еще в довоенный период произошли существенные преобразования. Уже тогда созданием новых поселений и перепланировкой старых стали заниматься специальные архитектурно-строительные организации. За 10 лет (с 1930 по 1940 гг.) в колхозных и совхозных селениях РСФСР было построено свыше 3 млн. различных общественных, и производственных зданий; свыше 300 тыс. колхозных сел и деревень подверглись реконструкции. К концу 1950-х годов произошло выделение отдельных зон застройки по их целевому назначению, разделение поселения на жилую и производственную зоны. Сложился, таким образом, новый по сравнению с прошлым тип села с учетом требований социалистического быта. Весьма сложный вопрос о перепланировке селений (укрупнения или рассредоточения отдельных населенных пунктов) решается в нашей стране в связи с общим планированием экономического развития конкретных районов.

Нет смысла подробно останавливаться на сделанной Ст. и Э. Даннами характеристике отдельных сторон материального и духовного быта, поскольку она поверхностна. Целый ряд ошибочных утверждений вытекает, видимо, из недостаточного знания авторами русского быта. Например, из абзаца о напитках следует, что любимым напитком русских является чай, часто с лимоном; чай, как утверждают авторы, — еще роскошь, но употребление его по сравнению с кофе и какао сильно возросло; другие излюбленные напитки — водка, квас и солодовый брага (стр. 121). Здесь явная путаница. Если уж говорить о традиционных напитках русских крестьян, то прежде всего необходимо назвать квас, имевший всегда исключительное значение в повседневном пищевом режиме крестьянства. В значительной мере его заменил чай, который в современном быту отнюдь не является роскошью. Потребление кофе и какао никогда не было характерно для сельского быта и не может быть сопоставлено с чаем. Из алкогольных напитков традиционны пиво и брага.

Пренебрежительное отношение к исследовательскому методу советских авторов при недостаточном знании жизни русской деревни (что вполне естественно) приводит Даннов к неправильной трактовке материалов о семейной обрядности. Например, опи-

¹⁵ См., например, «Село Вирятино в прошлом и настоящем», стр. 173—174.

¹⁶ Например, признаком севернорусского жилища Данны считают бревенчатые стены и двускатную крышу, а южного — кирпичные стены и четырехскатную крышу с усеченным скатом (стр. 111—112), видимо, не представляя, что каждый из двух типов характеризуется целым комплексом присущих ему признаков.

сваяя обряды, сопровождающие рождение и крещение ребенка, Данны путают их с обычаями, связанными с церковным праздником богоявления 6-го января ст. ст. (стр. 95). При описании свадьбы (в целом правильно) Данны несколько раз упоминают об обряде осыпания молодых монетами, что абсолютно несвойственно русскому свадебному обряду (стр. 98, 99). В изложении похоронных обрядов принятые церковью поминальные дни «родительские субботы» — почему-то названы «родительскими воскресеньями» (стр. 104) и т. п.

Характерно, что, идя вслед за советскими этнографами и отмечая те или другие изменения в обряде (в частности, в свадебном), Данны тем не менее не уясняют себе сути этого процесса, не понимают того, что под влиянием изменяющихся условий меняется и сама традиция. Традиционный обряд переосмысливается, теряет наиболее архаичные свои элементы и впитывает новые. При всей своей преемственности традиция не закостеневаает — она постоянно обновляется. В ней одновременно существует старое и зарождающееся новое, и в этом залог ее живучести. Не ощущая этой жизни традиции, Данны приходят к глубоко ошибочному выводу, что семейные обряды, бытующие в наши дни, почти не отличаются от традиций XVIII—XIX вв. (стр. 94).

Подытоживая свою работу («Заключение и выводы»), Ст. и Э. Данны кратко формулируют ее основные положения. Здесь дается ответ на главный вопрос книги — о сути культурных изменений, происшедших в жизни русского крестьянства за последние 50—60 лет. Авторы приходят к заключению, что изменения эти не являются коренными для самого крестьянства. Существенные изменения в культуре и быту крестьян, по их мнению, происходят лишь тогда, когда те меняют свой социальный статус, т. е. подвергаются урбанизации. «...Жизнь показывает,— пишут Данны,— что индустриализация означает урбанизацию и влечет за собой вырывание крестьянина из его среды; а это, в свою очередь, означает, что тем, кто остается в сельском хозяйстве (а некоторые должны остаться), достается только то, что осталось после выплаты за индустриализацию» (стр. 131). Из этой фразы, очевидно, следует понимать, что в деревне почти все остается по-прежнему. И хотя Ст. и Э. Данны признают, что крестьянин наших дней совершенно не похож на своего дореволюционного предшественника (разницу эту они видят не только в изменении его образа жизни, но и в более стабильном и напряженном контакте с некрестьянским внешним миром); он, по их мнению, продолжает оставаться крестьянином по самой своей социальной природе. Социальную же природу крестьянина Данны видят в его принадлежности к общине, замкнутому небольшому коллективу внутри общества в целом. Именно это имеет в виду А. Выкунич, автор предисловия к книге, говоря, что, по мнению Даннов, изменилась социальная организация русского крестьянства, но не его социальная структура (стр. XI). Чтобы доказать неизменность природы русского крестьянства, Данны и стремятся «вдохнуть жизнь» в старую крестьянскую общину, пытаясь подчеркнуть стойкость ее бытования в наши дни. Проявление ее традиций они пытаются проследить в колхозе и, особенно, в деревне, сохраняющей якобы на основе эмоциональных связей старые общинные обычаи и обряды. Важнейшим после общины связывающим звеном между крестьянином дореволюционного времени с современным колхозником Ст. и Э. Данны считают семью с ее экономической целостностью и вытекающими из нее бытовыми порядками, якобы также идущими от общины. Как уже отмечалось, американские авторы не только неправильно архивизируют общину XIX в., но и преувеличивают роль пережиточных моментов в современном быту, в семье — они не в состоянии видеть явления в их развитии.

Останемся кратко еще на одном моменте книги. Ст. и Э. Данны построили целую схему общения малого крестьянского общества с обществом в широком смысле слова. По их утверждению, это общение происходит через «ширму» («заслон») — особый механизм (в основном отрицательного свойства), образованный социальными, экономическими, географическими факторами (стр. 129). Этот механизм способствует сохранению специфических крестьянских черт культуры путем полного или частичного исключения аналогичных черт городской культуры. Через «заслон» некоторые элементы городской культуры никогда не доходят до крестьян, эти доходят в измененном виде или слишком поздно. По мнению Ст. и Э. Даннов, эта «ширма» («заслон») существовала в дореволюционное время, существует и теперь. Влияние ее непосредственно обусловлено политикой государства и определяется количеством отпускаемых на нужды сельского населения средств в масштабе нации. Избежать влияния этой «ширмы» может только тот, кто уходит из деревни в город. Этот вопрос смыкается, таким образом, с проблемой социальной мобильности, понимаемой Даннами, как мы уже говорили, весьма однобоко, лишь как мобильность вне села.

Выводы книги Даннов находятся в полном противоречии с конкретной социалистической действительностью. Период, на котором они сосредотачивают свое внимание, является периодом величайшей социальной ломки и становления нового общества. Советские исследователи рассматривают изменения, происходившие в жизни советского народа за это время, как коренные, касающиеся всего советского общества, в том числе и крестьянства как его части. В новых социально-экономических условиях изменилось само крестьянство, его социальная природа. Вопреки попытке Даннов изобразить крестьянство как некую отсталую пассивную массу внутри советского общества, советское крестьянство являлось и является активным строителем новых общественных отношений, новых форм быта и культуры.

Ст. и Э. Данни игнорируют процесс сглаживания различий между городом и деревней, а между тем он начался с первых лет революции и особенно широко развернулся в наши дни. Сближение труда сельскохозяйственного с трудом индустриальным, кооперативно-колхозной собственности с государственной создает предпосылки для преодоления существенных различий в культуре и быте между городом и деревней, между сельским образом жизни и городским. Процесс механизации сельского хозяйства, совершенствование его экономического управления (что сближает его с промышленным производством, а труд крестьянина с трудом рабочего) протекает одновременно с повышением уровня образования сельского населения, с ростом его профессиональной подготовки, с развитием его культурных запросов и потребностей. Вместе с этим из города в деревню направляется мощный поток культуры, которая по самым различным каналам может дойти до каждого сельского жителя. Советское государство, общественность, сами колхозники прилагают огромные усилия для преобразования колхозной деревни. Конечно, процесс этот сложный, длительный, трудный, но на этом пути у советского общества имеется уже много достижений, и пройти мимо них — значит не понять сущности культурных изменений в жизни русского крестьянства.

Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская,
М. Н. Шмелева

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. Е. Гусев. *Эстетика фольклора*. Л., 1967, 319 стр.

Вышел фундаментальный труд видного советского фольклориста В. Е. Гусева, подытоживающий и обобщающий многолетние усилия автора по созданию стройной теории народного поэтического творчества. Вместе с тем следует отметить, что это — новый тип теоретического исследования в области фольклора. Новизна его заключается в том, что здесь впервые теоретические вопросы решаются на столь широком материале. Автор свободно оперирует фактами, почерпнутыми из научной литературы буквально всех стран и континентов. Сопоставительный анализ этих фактов на основе марксистско-ленинской философии делает выводы В. Е. Гусева глубоко аргументированными и доказательными.

Новаторская сущность рецензируемой книги проявляется и в удивительно разностороннем и полном охвате рассматриваемых проблем. Опираясь на все достижения современной советской фольклористики, автор стремится исследовать именно те вопросы, которые вызывали наиболее ожесточенные споры в современной науке и которые по природе своей являются весьма сложными, противоречивыми, исторически подвижными.

Главная цель, которую ставит перед собой автор, заключается в том, чтобы показать своеобразие народного искусства в комплексе его «словесно-музыкально-хореографических и драматургических» форм выражения. Таким образом, В. Е. Гусев впервые в нашей науке вышел за пределы «плоскостного» рассмотрения фольклора. Хотя синкретизм фольклора признавался в трудах многих ученых, все же вопросы теории реналились всегда на материале устного словесного творчества. Когда же к фольклору обращались музыковеды, хореографы, каждый из специалистов интересовался только либо музыкальной, либо танцевальной стороной дела.

Стремление исследовать объект во всей его сложности сказывается на структуре всей книги. Изучая материал, автор постоянно имеет в виду: 1) «социальную природу явления (творчество народных масс), 2) его «качественную специфику» (коллективное художественное творчество) и 3) его историческую перспективу.

Выясняя социальную природу фольклора, автор повторяет известное положение о том, что народное искусство возникает в процессе трудовой деятельности человека и что во все времена творцами сказаний, песен, преданий, пословиц и прочих жанров фольклора были «производители материальных ценностей» (стр. 16). Но Гусев учитывает при этом, что «социальная структура народа на разных этапах истории человеческого общества» не остается неизменной. Исторические сдвиги, происходящие в социальном составе народа, обуславливают появление в фольклоре разнородных идейно-художественных элементов. Он пишет: «Культура и искусство народа в классовом обществе, «народное творчество» является классовым по своей природе не только в том смысле, что оно противостоит идеологии господствующего класса в целом, но и в том, что само оно является сложным, а подчас и противоречивым по своему классовому, идеологическому содержанию» (стр. 20).

Очень запутанным в нашей науке был вопрос о соотношении «народного» и «национального» в фольклоре. Даже в последнее время находились ученые, которые под народным творчеством разумели «все художественные ценности, созданные